

В. Я. КИРПОТИН

Наследие Пушкина и коммунизм

<Фрагменты>

<...>

Пушкин был представителем нового миросозерцания и новой нравственности для своего времени. В невежественной и угнетенной самодержавно-крепостнической России он выступал с идеалами просвещения, свободы, независимости личности. Сама жизнь Пушкина, все его поступки, мысли и чувства были пронизаны передовыми идеями европейского просвещения XVIII века. Сама жизнь Пушкина была протестом против строя, в котором он жил. Старой рутине, традициям, которые были сильны вокруг него и внешне еще больше усилились после поражения декабристов, Пушкин следовать не мог.

Когда мы знакомимся с историей России начала XIX века, особенно с периодом после поражения декабристов, с господствовавшими в ней православием, ханжеством, мракобесием, ненавистью к мысли, холопством, бесправием, обезличенностью и пресмыкательством, — мы первоначально едва верим, что ослепительный поток света, излучаемый широко, свободно и щедро поэзией Пушкина, относится к той же эпохе. Однако гениальный русский поэт, (провозвестник новых начал в отсталой России, не мог до конца порвать с традициями дворянского общества и строя, к которым он принадлежал. Пушкин не был случайным явлением, парадоксом истории. Он вырос из противоречий своего времени, своего класса, из противоречий и общеевропейского порядка, преломленных в русской действительности. Воздействие Европы на ход русской жизни нельзя ни на минуту забывать, когда изучаешь возникновение поэзии Пушкина и ее значение для современников и потомков. Противоречие идеологии с действительностью возможно только тогда,

когда существующие общественные отношения уже вступили в противоречие с производительными силами, на базе которых они выросли. Но, — поясняют Маркс и Энгельс, — «в пределах отношений определенной нации это может произойти также благодаря тому, что противоречие обнаруживается не в данных национальных рамках, а между данным национальным сознанием и практикой других наций, то есть между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации». (Маркс и Энгельс, том IV, с. 22.) <...>

Первое, на что следует указать в качестве источника гуманности Пушкина, — это буржуазное просвещение XVIII века, особенно французское. Критика предрассудков, невежества, абсолютизма, церкви, идеи политической свободы и гражданского равенства, признание права на счастье здесь на земле, по своему рецепту, в личной жизни, в своей семье, в кругу друзей, так, как хочется свободному сердцу, а не так, как приказывают интересы правительства, рода, дворянской чести или какие-либо другие негуманные мотивы, — все это взято из идеологии европейского просвещения. Самыми разнообразными путями проникали в голову юного Пушкина эти для Европы уже не совсем новые, но для России злободневные и свежие потоки, идей. <...>

Просвещенное мировоззрение Пушкина неизбежно вело к конфликту между ним и монархически-крепостнической, николаевской действительностью, уже осознавшей опасность своего крушения и потому защищавшей свое право на существование с упрямым и беспощадным упорством. <...>

Власть света, придворно-дворянского общества и его законов оплетала Пушкина через посредство его семейной жизни. Через кругозор и интересы Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной она входила внутрь его дома. Уйти от враждебной действительности некуда было. Если бы даже Пушкину удалось уехать в деревню, в другой город, — все равно оковы звенели бы на ногах поэта. Оставалось только попытаться разорвать цепь. Пушкин и сделал это в своеобразной форме, вызвав на смертный поединок Дантеса. Но цепь была сильнее усилий Пушкина, разорвать ее для него было невозможно, — в стремлении к освобождению он мог только погибнуть. <...>

Только методом марксизма можно проследить сложную зависимость творчества Пушкина от народившихся уже, но еще недостаточно развитых социальных противоречий.

Лучший разбор творчества Пушкина до сих пор принадлежит Белинскому. Белинский к концу жизни подошел к пониманию

значения классов и классовой борьбы в истории, но только подошел. Поэтому Белинский свой социальный анализ творчества Пушкина не мог провести до конца и последовательно. <...>

Противоречивость оценок Белинского вытекает из того, что он до конца не мог проникнуть в социальную значимость творчества Пушкина. С одной стороны, Белинский видел в творчестве Пушкина выражение дворянского принципа, а с другой стороны — проповедь гуманности и равенства, уважения к человеку как к человеку, что было несовместимо с помещичьей природой и идеологией. Не понимая диалектики классовой борьбы, Белинский не мог объяснить этого противоречия, которое было конденсированным выражением всех разобранных нами раньше противоречий в творчестве Пушкина. Он связывал гуманность, человеколюбие с эстетичностью, с художественной силой, гармонией и мерой пушкинского творчества. Не только Белинский — и сам Пушкин не понимал до конца отражавшихся в его творчестве социальных процессов. Ему казалось, что он отгораживался от требований современников, что он уходил в сферу чистого искусства, избирая сюжеты исторические и иностранные, но голос двинувшихся времен, осудивших николаевскую Россию и крепостной строй, звучал в его творчестве, хоть своеобразно, но все сильнее и сильнее. <...>

С поправкой на различие эпох мы можем вновь по отношению к Пушкину повторить сказанное Лениным о Толстом: «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным <...>». Пушкин не был и не мог быть зеркалом русской революции, подобно Льву Толстому, уже по одним хронологическим условиям, но сопоставление имени Пушкина с процессами вызревания революции в России выглядит вовсе не так парадоксально, как это может показаться на первый взгляд. Пушкин в некотором отношении также не понимал происходящего. Он также отстранялся от настоящих исторических задач, уходя в чистое искусство, стремясь замкнуться в круг своего дома и своих друзей, и все же он как великий художник отразил в своем творчестве и своем мировоззрении некоторые из существенных сторон созревавших центральных классовых конфликтов. <...>

Определение Белинского, назвавшего Пушкина дворянским поэтом, является до сих пор из всех существующих определений классового существа творчества Пушкина самым верным, самым близким к истине. <...> Дворянская идеология носит реак-

ционный характер. Пушкин не исчерпывается дворянской идеологией. <...> При оценке Пушкина нам нужно помнить, что он стоит в начале процессов политической и классовой дифференциации, что круг передовых деятелей, среди которых ему приходилось действовать, был «страшно узок» (Ленин) и до 14 декабря 1825 года и что после 14 декабря он просто насчитывал единицы. В такой обстановке тенденция развития общественного мышления интересующего нас деятеля, его взаимоотношения с другими современными течениями являются более важными, чем формально определенное содержание тех или иных положений, взятых изолированно, статистически. Все же, несмотря на эти важные положения, мы должны сказать, что дворянская идеология вела даже и Пушкина к резко реакционным мнениям. <...> Таким образом, Пушкин — поэт настолько еще связанный с дворянством, что в единичных случаях он выражает самые реакционные идеи своего класса. Однако это несомненное положение выражает не всю правду о классовой природе Пушкина и даже не самую важную часть правды. Ведь Пушкин находился в то же время в остром конфликте с дворянским обществом и его политической системой, с царем. <...>

Пушкин, не порвав еще с дворянством, в то же время уже находится в противоречии со своим классом. Даже в реакционных высказываниях Пушкина мы находим явные следы этого противоречия. Так «отвратительную власть демократии» Пушкин осуждает за невежество, за отношение к науке и поэзии не как к цели, а как к средству («Об «истории поэзии» С. П. Шевырева»). Но невежественное третирование просвещения, вражда к просвещению является свойством дворянского общества в неизмеримо большей степени, чем буржуазного. Пушкин осуждает американскую демократию за тиранство, за рабство негров. Но тиранство и произвол в феодально-крепостническом строе проявляется неизмеримо острее, чем в среде демократических мещан, а рабство белых негров было не слаще рабства черных. Следовательно, у Пушкина сама критика буржуазного правопорядка с дворянских позиций содержала в себе положения, противоречившие основам дворянского мирозерцания его времени. <...>

Содержание конфликта Пушкина с дворянской идеологией нам известно: это конфликт прогрессивного буржуазного мировоззрения, еще питавшего искреннюю иллюзию, что оно выступает представителем интересов всего народа, с реакционными взглядами и практикой помещиков-крепостников. Пушкин в этом конфликте еще не порвал окончательно с классом, к ко-

тому принадлежал по рождению и воспитанию, но конфликт этот настолько бросается в глаза, что привел многих к взгляду, что Пушкин стал поэтическим выразителем уже других социальных тенденций — не дворянских, а буржуазно-капиталистических. Мнение это попало даже в «Литературную энциклопедию», как выражение общепринятой точки зрения. <...>

Анализ классовой позиции Пушкина нельзя просто исчерпать ссылкой на то, что он был против крестьянских восстаний, что он считал необходимым усмирение восставших. <...> Его гуманность носила еще «общечеловеческий», то есть отвлеченный характер. Пушкин боялся народной революции прежде всего потому, что он бережно относился к жизни каждого человека, человека вообще. <...> И тем не менее Пушкин всю жизнь проявлял неотступный интерес к народным революционным движениям! Эта тема его постоянно привлекала; как замороженный, он к ней возвращался вновь и вновь. <...> Сюжет «Капитанской дочки» в значительной степени построен на взаимоотношениях Швабрина, в самом деле перешедшего к Пугачеву, и Гринева, подозреваемого в таком переходе. Нас не должно смущать, что Швабрин — отрицательный тип, а Гринев, и попав в лагерь Пугачева, сохраняет верность Екатерине. Важно направление внимания Пушкина. <...>

С точки зрения диалектики классовой борьбы Пушкин оказывался в процессе движения от одного класса к другому. Между его идеологией и господствовавшей дворянской идеологией образовалась все расширявшаяся трещина. <...> Тенденции классового развития Пушкина можно определить, если исследовать их тем же методом, каким исследовал Ленин эволюцию Льва Толстого, то есть соотнося их к центральному социальному конфликту эпохи... <...> Классовый смысл эволюции творчества Пушкина необходимо искать не по линии от дворянства к буржуазии или от дворянства к мещанству, а по линии от дворянства к крестьянству, по типу эволюции Льва Толстого. Не надо только упрощать исторической картины, терять ясного сознания степени процесса в разных исторических эпохах. Толстой при всех своих противоречиях и предрассудках уже покинул пределы класса дворян и перешел на сторону класса крестьян. Пушкин болезненно, идя не по прямой линии, отрывался от класса дворян, но еще не оторвался от него, еще оставался в пределах класса, в котором родился, но с которым он вступил в состояние конфликта. <...>

Поиски радости, стремление к счастью — радости для себя и других, счастья для одного и для всех — роднят Пушкина

со всеми людьми, без различия рас и национальностей. Массы людей всегда стремились к лучшему, всегда искали удовлетворения своих потребностей на земле, сколько бы ни проповедовали попы и другие корыстные идеологи господствующих об отречении, о блаженстве аскетизма, о загробном воздаянии. Грабители народа, узурпировавшие радости в свою монопольную собственность, объявляли естественную для всего живущего жажду счастья грехом и преступлением. Сегодня фашизм создает новую вариацию старой лживой сказки, провозглашая, что человек нуждается не в масле и мясе, а в пушках и тяжелых бомбардировщиках. Чем демократичнее было политическое движение, тем ярче выдвигало оно учение о всеобщем счастье. <...>

Победа социализма, ликвидация классов впервые за существование человечества создают возможность для реализации идеала всеобщего счастья, понимаемого самым широким образом. Социалистическое человечество не может удовлетвориться только сытым куском хлеба. Его устремления бесконечно богаче и разнообразней. Коммунизм удовлетворит все расширяющиеся материальные и культурные потребности всех людей. <...>

Мы теперь понимаем, почему не оправдались надежды Пушкина, почему идеал мирного счастья обрушил на голову поэта тяжелую кару. Мы знаем, где заключена ошибка в расчетах Пушкина. Материалистический по своему духу гуманизм Пушкина содержал в себе тот же недостаток, который Маркс и Энгельс обнаружили в отвлеченном материализме Фейербаха. Пушкин слишком абстрактно, слишком отвлеченно смотрел на человека. Для него человек был не классово определенный человек, а человек «вообще». <...>

Пушкин поэтому не понимал, что за человечность нужно бороться, что единственным средством для торжества гуманизма на земле является революционное насилие. Дубровский благороднее и человечнее своих врагов. Он только поневоле взялся за оружие. Он опускает оружие пред примиряющей силой любви. Но что толку в благородстве Дубровского? <...> Были бы политические взгляды Пушкина не заражены стремлением к компромиссу, он дал бы своей повести иную развязку. Он не спас бы своего героя, — он сделал бы его пленником его врагов, он вынужден был бы показать лютое применение насилия над и не очень-то последовательным защитником справедливости и чести. <...> Коммунисты и рабочий класс прибегают к насилию из необходимости. <...>

Не в осуждение Пушкину, не в умаление величия поэта мы говорим о коренном недостатке его человеколюбия. Вовсе нет,

а для того, чтобы установить между гуманизмом Пушкина и гуманизмом коммунизма черты сродства и симпатии. Пушкин был в конфликте с действительностью, он не знал, как бороться с нею; действительность была сильнее его, николаевская действительность победила Пушкина, но в каждом пункте, в котором Пушкин был бит жизнью, будущее было за ним. Пушкин и сегодня дорог нам не только «прелестью живой стихов», но и как апостол человечности, которую мы бережно перенимаем, обогащаем и утверждаем в жизни. Пушкин жив еще и сегодня не только своими историческими заслугами, не только как реформатор языка и непревзойденный образец мастерства, — он жив как учитель гуманизма, как творец, принимающий участие в формировании человеческих душ в том направлении, в каком это нужно социализму. <...> Новая советская Конституция, воплощая в жизнь самые смелые надежды лучших борцов за политическую свободу, реализует смутные, но неискоренимые чаяния и вольнолюбивого гения Пушкина. <...>

Идеал всеобъемлющей свободы, регулируемой одной только привычкой к простым правилам общежития, не иллюзия, не идеалистическая мечта. Он выработан на основе научного познания тенденций исторического развития самыми трезвыми умами, которые знало когда-либо человечество: Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. <...> Новая сталинская Конституция является закономерной и необходимой ступенью в процессе развития к бесклассовому и безгосударственному обществу полного коммунизма. Защита и укрепление советского государства являются долгом для всех, кому дороги судьбы всей человеческой культуры. Эти величественные мысли основоположников коммунизма вспоминаются невольно, когда сегодня читаешь Пушкина. <...>

Буржуазия в борьбе против феодализма и церкви разбудила личность. В развитии личного начала одна из черт прогрессивности восходящей буржуазии. Но буржуазия завоевала личность только для меньшинства. <...> Когда массы, и в особенности рабочий класс, потребовали прав для себя, для большинства, для всех, буржуазия сама стала проповедывать обезличивающие ханжеские идеалы, заимствованные ею в идеологии средневековья. Фашизм доводит эту тенденцию до предела; он открыто проповедует отказ от себя, от своей личности, вручение ее в руки «вождя», на его полную волю. Зачем думать доброму немцу или итальянцу, если существуют Гитлер и Муссолини! Фашизм понимает, что держать в повиновении ограбляемые массы и готовить их на новый убой можно только посредством слепого повинове-

ния, посредством обезличивающей насильственной дисциплины. Коммунизм же видит залог своих успехов в сознательной инициативной деятельности каждого трудящегося на свою и на общую пользу. Коммунизм будит сознание личности и личного достоинства в миллионах, у всех. Устраняя эксплуататоров и политический гнет, коммунизм создает условия нестесненного развития личности каждого трудящегося человека. Мы наследуем идеал Пушкина, мы делаем его всеобщим достоянием, мы обогащаем и развиваем его. <...>

Пушкину претила казарменная нивелировка николаевской России. Фашистская буржуазия хочет все человечество вогнать в казарменный режим. <...>

Коммунизм оказывается шире, богаче и смелее, чем мирозерцание даже такого выдающегося человека, как Пушкин. Но превосходство коммунизма над гениальным поэтом не отдаляет нас от него, а наоборот — роднит и связывает. Ведь Пушкин провозвестник такого драгоценного, так заботливо охраняемого коммунизмом личного начала. Ведь Пушкин искал то, что нашел коммунизм: условий равновесия и гармонии личного начала и общественного. <...> Сегодня же тов. Сталин, выражая дух коммунистической программы, говорит о бережном и внимательном выращивании способностей каждого человека — труженика социалистического общества. Наследие Пушкина живет» живой жизнью и в сегодняшний день. <...>

Пушкин думал о свободе только поэтического труда. Коммунизм и здесь превосходит мечтания гения. Не отменяя различия способностей, оставляя за гениальностью все ее права, коммунизм всякий труд превращает в свободный и творческий труд, движимый не «корыстью и не карьерой», а «идеей социализма и сочувствием трудящихся» (слова Ленина). Фашизм обратился к уродливым фантазиям Аракчеева. Он превращает труд в принудительную военизированную повинность, уравнивающую способности каждого на примитивно-низком уровне. Фашизм вынужден гасить традиции гениальных провозвестников творческого отношения к труду, будь это Пушкин или Гёте, или кто-либо иной. Рассвет творческого отношения к труду, брезжущий в отношении Пушкина к своей поэтической деятельности, у нас превращается в полный свет сияющего дня. <...>

